

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 79–85.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 3 (19). P. 79–85.

Научная статья

УДК 947.071-72

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-79-85>

О «ПРОСВЕЩЕННОМ» И «НЕПРОСВЕЩЕННОМ АБСОЛЮТИЗМЕ» В РОССИИ

**Аркадий Наумович
Долгих**

Липецкий государственный педагогический
университет имени
П. П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия
adonli@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме терминологии, относящейся к политической системе России, – использованию дефиниции «просвещенный абсолютизм» и ее антонима – «непросвещенный абсолютизм». Эта терминология, существующая в исторической литературе примерно полтора столетия (а именно «просвещенный абсолютизм»), первоначально используемая для Европы второй половины XVIII в., в дальнейшем стала употребляться и для России той же эпохи, а иногда и для более позднего времени. При этом неопределенность этого термина, несмотря на его очевидность (заключавшуюся преимущественно в определенном использовании для своих нужд правителями ряда стран Европы идей Просвещения в совершенно разном исполнении), вошла в обычай и стала применяться для России, несмотря на довольно разное состояние государств между собою (наличие, например, в России крепостного права и отсутствие серьезных изменений в нем). Отсутствие более четких критериев в определении режима, например, Екатерины II как «просвещенного абсолютизма», не помешало выдвижению рядом советских историков нового термина «непросвещенный абсолютизм» с еще в меньшей степени выраженными критериями, обычно используемый для правления Павла I. Автор статьи считает необходимым отказаться от использования и того, и другого термина в исторических исследованиях в силу их неопределенности и отсутствия четко выраженных критериев, особенно в отношении России.

Ключевые слова: «просвещенный абсолютизм», «непросвещенный абсолютизм», Екатерина II, Павел I, сословная политика, крепостное право, крестьянский вопрос, российское самодержавие.

Для цитирования: Долгих А. Н. О «просвещенном» и «непросвещенном абсолютизме» в России // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 79–85. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-79-85>

Сведения об авторе: А. Н. Долгих – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42.

Scientific Article
UDC 947.071-72
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-79-85>

ON 'ENLIGHTENED' AND 'UNENLIGHTENED' ABSOLUTISM IN RUSSIA

Arkadiy N. Dolgikh

Lipetsk State Pedagogical
P. P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russia
adonli@mail.ru

Abstract. The article deals the problem of terminology related to Russian political system – the use of the ‘enlightened absolutism’ definition and its antonyms – ‘unenlightened absolutism’. This terminology (namely, ‘enlightened absolutism’), adopted in historical literature about a century and a half ago, originally used for Europe in the second half of the eighteenth century, later came to be used for Russia of the same era, and sometimes even for later times. The term, on the one hand, is obvious (it consists mainly in a certain use of Enlightenment ideas for their needs by the rulers of a number of European countries in quite different versions). On the other hand, the vagueness of the term has become customary and has been applied to Russia, despite the rather different state of these states between themselves (the presence, for example, in Russia of serfdom and the absence of serious changes in it). The lack of clearer criteria in defining the regime of, for example, Catherine the Great as ‘enlightened absolutism’ did not prevent a number of Soviet historians from putting forward a new term – the term ‘unenlightened absolutism’, with even less marked criteria, usually used for the reign of Paul I of Russia. The author considers it necessary to abandon the use of both terms in historical research due to their uncertainty and lack of clearly defined criteria, especially in relation to Russia.

Keywords: enlightened absolutism, unenlightened absolutism, Catherine the Great, Paul I of Russia, estate policy, serfdom, peasant issue, Russian absolutism.

For citation: Dolgikh, AN 2024, ‘On ‘Enlightened’ and ‘Unenlightened’ Absolutism in Russia’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 79–85, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-79-85> (in Russ.)

Information about the Author: *Arkady N. Dolgikh* – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of National and World History, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, 42, Lenin Str., Lipetsk, 398020, Russia.

© Dolgikh A. N., 2024

Понятие «просвещенный абсолютизм», давно существующее в историографии, с одной стороны, выглядит весьма странно, особенно потому, что критерии именно такого варианта абсолютизма (сам термин «абсолютизм» можно определить как неограниченную монархию эпохи позднего феодализма, притом, в основном, применительно к Европе XVI – XVIII вв.) до конца не разработаны; налицо общие слова о следовании рядом правителей второй половины XVIII в. в своей политике частично идеологии Просвещения при использовании некоторых идей Вольтера, Дидро, Руссо, Монтескье, д'Аламбера и некоторых других в определенном ракурсе при сохранении основных положений традиционной монархии и феодального строя, что бы под ним сегодня ни понималось. Правда, дальше следуют весьма неопределенные критерии – развитие образования, возможно, веротерпимость, то или иное решение аграрного вопроса, некие экономические меры (больше экономической свободы), некие правовые реформы (опять же весьма неопределенные) и т. д. Поэтому сам термин выглядит неточным, некорректным, в общем, искусственно созданным. Тем не менее он довольно часто употребляется и в России преимущественно в отношении времени правления Екатерины II (здесь имеются различные датировки и существует значительная литература на сей счет) [2; 4; 5, с. 98, 114–115, 136]. Но еще более искусственен с подобной точки зрения термин «непросвещенный абсолютизм», употребляемый в отношении павловского режима, а иногда и в отношении конца екатерининского правления, примерно с начала Великой Французской революции, с 1789 г., раньше именовавшийся «полицейским бюрократическим абсолютизмом» или режимом «военно-полицейской монархии» [5, с. 114–115, 130; 8, с. 14]. Трудно сказать, кто его изобрел, возможно, Н. Я. Эйдельман [10, с. 146], но он стал весьма популярен в историографии [6, с. 361; 9, с. 163–165], хотя никто толком не догадался в нем разобраться. А ведь проблема тут тоже есть. Видимо, термин этот родился в свое время как эмоциональный, но он, действительно, еще менее законен, нежели его антипод.

Екатерина держалась дворянством, Павел хотел держаться, скажем так, «легитимизмом», понимаемым здесь как власть законного правителя (им Екатерина II, строго говоря, не была), которому, безусловно, должны были повиноваться и подчиняться все, в том числе и дворяне. Екатерина тоже не слишком их жаловала, но она была обязана им властью, в сущности, не столь уж законной, поэтому, рассуждая разумно, она пошла по пути расширения их прав, надеясь подобным образом усидеть на престоле до конца своих дней, что ей и удалось. Павел не мог так поступить и потому, что монархом был законным, а также хотя бы потому, что его отца убили русские дворяне (отца, которого он почти не знал, но боготворил), отсюда и его позиция в отношении правящего сословия империи: «Я из вас потемкинский дух вышибу!», что ему явно не удалось: слишком российское дворянство привыкло за екатерининские времена к определенному уровню самостоятельности и правоспособности, чтобы с этим павловским абсолютизмом смириться. Отсюда и финал – шарф Скарятин и табакерка Зубова. Но, с другой стороны, права дворянства как высшего сословия империи остались, в принципе, такими же и при Павле. Да, они теперь должны были обязательно служить и не жить весь век в праздности (чего, в общем-то, и не было при Екатерине II, и потому фигура литературного Е. Онегина или реальная фигура Н. М. Карамзина – 1–1,5 г. службы – были нетипичны для той эпохи, типичная тогдашняя служба – 10–15 лет, а потом жизнь хлебосольного помещика, хлебосольного в зависимости от доходов и количества крепостных). А в службе у дворян сохранялись и при Павле преимущества, они даже расширялись в сравнении с екатерининским временем; то же наблюдалось и в политике в отношении крестьянства: налицо пожалования 600 тыс. крестьян при Павле за 4 с лишним года правления.

Отличия в сословной политике двух царствований были, но несущественные. Создание новой сословной группы удельных крестьян и дарование им прав некоторого самоуправления (мы предпочитаем говорить о крестьянском общественном управлении под усиленным надзором верховной власти и соответствующего ведомства) мало что меняли в сути дела. Дарование же подобного права государственным крестьянам также ситуации в деревне не изменило. Заметим вскользь, что меры Павла в отношении создания выборных органов государственного и удельного крестьянства в определенной степени соотносились с нереализованной подобной же «Жалованной грамотой» государственным крестьянам, созданной в екатерининское время вместе с другими, но не введенной в жизнь [6, с. 439–444, 452–454]. В определенном смысле в данном контексте можно рассматривать известный павловский манифест от 5 апреля 1797 г. об ограничении барщины и некоторые другие планы этого монарха, частично реализованные в данном направлении [3, с. 51–68], в том числе и как некое продолжение заявленной в «Наказе» Уложенной комиссии позиции монархии в отношении владельческих крестьян. Павловский абсолютизм предполагал и большую опору на патриархальное крестьянство, и большую независимость от воли дворянства, и, возможно, большую законность в стране – не все, правда, получилось как следует.

Заметим далее, что формально «Жалованные грамоты» 1785 г. – главные детища Екатерины II – все же при Павле не были прямо отменены, хотя некоторые их положения были нарушены. Это тоже проблема. Неисполнение их не являлось их устранением, или все же дело обстояло иначе, до конца не ясно. Насчет «Жалованной грамоты городам» говорить вообще сложно. По идее, она существовала и в павловское время, но кое-что отступало от екатерининских норм и в этой сфере [6, с. 377]. Пожалуй, наиболее значимым здесь являлось новое разрешение покупки людей к заводам, что фактически было запрещено законом при Петре III и сохранено при Екатерине II. Но в этом случае можно сделать существенную оговорку. Ко времени возвращения при Павле этого прежнего законоположения ситуация с вольнонаемным трудом в российском предпринимательстве реально изменилась, русские промышленники в основной своей части осознали уже выгоды вольного найма, поэтому новое разрешение покупки людей к заводам только легализовало подобные действия отдельных предпринимателей, но не сыграло существенной роли в развитии российской экономики. Это обстоятельство признают и исследователи данного вопроса.

Армейская политика Павла, усиление шагистики (в прусском духе) также сути дела не касались: армия комплектовалась по прежним принципам: рекрутские наборы, в основном, с крестьян, особая роль помещиков в организации рекрутского набора с владельческих крестьян, городских обществ – для горожан, сообществ государственных крестьян – для этой категории населения, формирование офицерского корпуса преимущественно из дворян. Здесь все осталось по-старому. И «палочки» так же применялись при Суворове, как и потом при Аракчееве. Нюансы были, но не нужно забывать, что при Павле воровства в армии стало меньше (по крайней мере, так считается), солдат стали, видимо, лучше кормить, но в остальном – картина та же.

Действительно, павловский абсолютизм не столь уж отличен от екатерининского. Возьмем, к примеру, вопрос о влиянии Французской революции и правительственной реакции на нее в России. Здесь много сходного. Арест Н. И. Новикова и московских мартинистов (вне зависимости от причин), арест А. Н. Радищева, подготовка корпуса А. В. Суворова для подавления революции в Европе, ужесточение цензуры в конце правления Екатерины II налицо. То же в усиленном варианте – при Павле. Все это звенья одной цепи. Но и революция же развивалась, ее угроза всей

Европе расширялась с Наполеоном, ее детищем. Поэтому меры Павла, отграничивавшие Россию от французской заразы, логичны с точки зрения самодержавия и дворянства. Разница здесь двух царствований невелика. Религиозная составляющая между двумя царствованиями также не столь отличается. Екатерина – вообще перекрест, крайне сдержанно на деле относившаяся к данной сфере, хотя и не ссорилась напрямую с ортодоксами, однако ликвидировала в значительной степени церковное землевладение [6, с. 389–393]. Павел также не был ярким православным деятелем (имелся у него и с явный душок католицизма – слабость к Мальтийскому ордену), ввел награждение духовных лиц орденами, стремился сделать церковь частью государственного аппарата (в той или иной степени) [6, с. 498–502]. Вообще церковная сторона дела весьма сходна у обоих правителей империи.

Конечно, определенную роль играл в этом сравнении и самодержавный произвол. При этом в данной сфере в качестве примера всегда фигурировал именно Павел I. Но произвол имел место и раньше, к тому же не забудем старинную поговорку: «Жалует царь, да не жалует псарь». Этот принцип соблюдался и в дальнейшем, настоящего правового режима в стране не было и не будет весьма долго, даже после появления в 1830-х гг. «Свода законов Российской империи». Но, в целом, особенно не в столице (рядом с Павлом), монарший произвол не стоит рассматривать как исключительный случай, как это принято во многом в историографии, часто основанной на мемуарах участников переворота 1801 г. Отсюда и традиционная со времен самого переворота подборка фактов по известному принципу: стакан наполовину пуст – стакан наполовину полон. Разницы существенной здесь нет, особенно если иметь в виду давнее недовольство Павла делами матери, не допускавшей его до кормила правления; отсюда и его эскапады, стремление хоть в чем-то не следовать ее делам и предначертаниям, ее назначениям и др. Но все равно: яблочко от яблони недалеко падает...

И все-таки, с нашей точки зрения, некая, возможно, даже существенная разница между этими царствованиями имелась. Это касалось по большей части системы государственных учреждений. И здесь, может быть, дело не в Губернской реформе 1775 г. и некоторых павловских вывертах на сей счет, в том числе в плане ограничения роли дворянства в местном управлении [5, с. 130–132], а, скорее, в части управления в национальных регионах империи, особенно в так называемых остзейских губерниях и Прибалтике в целом. Унификация империи, к которой всячески стремилась Екатерина [6, с. 366–367, 397–400, 422–433], пошла, как ни странно, в обратном направлении именно при унификаторе Павле, и именно здесь, на западе империи, все вернулось на круги своя: немцы вновь стали полновластными хозяевами в своих губерниях, прежде всего, в судопроизводстве (особенно в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии) [5, с. 134; 6, с. 491; 7, с. 65], что продолжено было по разным причинам при дальнейших правителях дореволюционной России, и этот регион, в сущности, превратился во многом в отрезанный ломоть для страны, и эта тенденция в той или иной степени реализовалась окончательно в другую эпоху, уже в XX в. Именно в этом, с нашей точки зрения (и особенно в плане перспективы дальнейшего исторического развития), и заключалось (пусть и не было столь очевидно, на первый взгляд) наиболее серьезное расхождение политики Павла с екатерининской, но это обстоятельство не имеет, строго говоря, никакого отношения ни к «просвещенному», ни к «непросвещенному абсолютизму».

В заключение отметим, что оба этих термина, по-видимому, несовершенны (по крайней мере, применительно к России), так как они не имеют настоящего предмета, являются, по нашему мнению, ложными. В этом отношении стоит обратить внимание на новейшее исследование А. Б. Каменского, где автор вообще, отказывается от этих терминов критически относясь к их использованию [6, с. 320–321,

329, 468, 475–477]. К тому же, по мнению А. Ахиезера, И. Клямкина и И. Яковенко, в ту пору «заимствование у Европы “общих начал”, опережавших реальный европейский опыт, уживалось с сохранением “подробностей”, которые свидетельствовали о том, что даже этот опыт Россия заимствовать и освоить была не в состоянии» [1, с. 206; 6, с. 333].

Список источников и литературы

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Нов. изд-во, 2008. 464 с.
2. Долгих А. Н. Императрица Екатерина II, «просвещенный абсолютизм» и крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII века // Гуманитарные исследования Центральной России. 2019. № 2 (11). С. 7–15.
3. Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX вв.: в 2 т. Т. 1. Липецк: ЛГПУ, 2006. 311 с.
4. Долгих А. Н. О терминах «самодержавие», «абсолютизм» и «просвещенный абсолютизм» и их использовании в современной исторической науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (76). С. 93–97.
5. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России : учебник для студ. вузов по спец. «Историко-архивоведение». М.: Высш. шк., 1983. 352 с.
6. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 1999. 573 с.
7. Окунь С.Б. История СССР. Лекции. Ч. 1: Конец XVIII – начало XIX века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 220 с.
8. Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 456 с.
9. Сорокин Ю. А. Павел I: Личность и судьба. Омск; М.: Мысль, 1996. 210 с.
10. Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М.: Мысль, 1982. 368 с.

References

1. Akhiezer, A, Klyamkin, I & Yakovenko, I 2008, *Istoriya Rossii: kontets ili novoye nachalo?* (The history of Russia: the end or a new beginning?), Novoye izdatelstvo publ, Moscow. (In Russ.).
2. Dolgikh, AN 2019, 'Imperatritya Yekaterina II, «prosveshchenny absolutizm» i krest'yanskiy vopros v Rossii vo vtoroy polovine XVIII veka' (Empress Catherine II of Russia, «enlightened absolutism» and the peasant question in Russia in the second half of the 18th century), *Humanities researches of the Central Russia*, 2019, no. 2 (11), pp. 7–15. (In Russ.).
3. Dolgikh, AN 2006, *Krestyanskiy vopros vo vnutrenney politike rossiyskogo samoderzhaviya v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX vv.: v 2 t.* (The peasant question in the internal policy of the Russian autocracy at the end of the 18th – first quarter of the 19th centuries. In 2 vols.), vol. 1, LGPU publ, Lipetsk. (In Russ.).
4. Dolgikh, AN 2017, 'O terminakh «samoderzhaviye», «absolyutizm» i «prosveshchenny absolutizm» i ikh ispol'zovanii v sovremennoy istoricheskoy nauke' (“Autocracy”, “absolutism” and “educated absolutism” and their use in modern historical science), *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2017, no. 2 (76), pp. 93–97. (In Russ.).
5. Eroshkin, NP 1983, *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolyutsionnoy Rossii* (The history of state institutions of pre-revolutionary Russia), Vyssh. shk publ, Moscow. (In Russ.).

6. Kamenskiy, AB 1999, *Ot Petra I do Paula I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt tselostnogo analiza)* (From Peter the Great to Paul I of Russia: reforms in Russia of the 18th century (the experience of a holistic analysis), RGGU publ, Moscow. (In Russ.).
7. Okun, SB 1974, *Istoriya SSSR. Lektsii. Ch. 1. Konets XVIII – nachalo XIX veka* (The history of the USSR. Lectures. Part 1. Late 18th – early 19th century), Izd-vo Leningr. un-ta publ, Leningrad. (In Russ.).
8. Predtechenskiy, AV 1957, *Ocherki obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii pervoy chetverti XIX veka* (Essays on the socio-political history of Russia in the first quarter of the 19th century), Izd-vo AN SSSR publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.).
9. Sorokin, YuA 1996, *Pavel I: Lichnost i sudba* (Paul I of Russia: Personality and Destiny), Mysl publ, Omsk, Moscow. (In Russ.).
10. Eydelman, NYa 1982, *Gran vekov. Politicheskaya borba v Rossii. Konets XVIII – nachalo XIX stoletiya* (The edge of the centuries. Political struggle in Russia. Late 18th – early 19th century.), Mysl publ, Moscow. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию: 25.07.2024
Одобрена после рецензирования: 06.09.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 25.07.2024
Approved after reviewing: 06.09.2024
Accepted for publication: 07.11.2024